

ВОЛЬТЕР

Философские
повести

Франсуа-Мари Аруэ Вольтер
Мемнон, или
Благоразумие людское
Серия «Философские повести»

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158232

Вольтер «Философские повести»: Правда; Москва; 1985

Аннотация

Из огромного художественного наследия Вольтера наиболее известны «Философские повести», прежде всего «Задиг, или Судьба» (1747), «Кандид, или Оптимизм» (1759), «Простодушный» (1767). Писатель блистательно соединил традиционный литературный жанр, где раскрываются кардинальные вопросы бытия, различные философские доктрины, разработанные в свое время Монтестье и Дж.Свифтом, с пародией на слезливые романы о приключениях несчастных влюбленных. Как писал А.Пушкин, Вольтер наводнил Париж произведениями, в которых «философия заговорила общепонятным и шутивным языком».

Современному читателю предоставляется самому оценить насмешливый и стремительный стиль Вольтера, проверить знаменитый тезис писателя: «Все к лучшему в этом лучшем из возможных миров».

Содержание

Вольтер

Мемнон, или

Благоразумие людское

Однажды Мемнон возымел безрассудное намерение достигнуть совершеннейшего благоразумия. Нет на свете человека, которому хоть раз в жизни не взбрела бы в голову подобная глупость. «Чтобы стать очень благоразумным, а стало быть, очень счастливым, – рассудил Мемнон, – надо лишь избавиться от страстей; каждый знает, что это легче легкого. Во-первых, я никогда не полюблю женщину, ибо, увидев самую безупречную красавицу, скажу себе: „Эти щечки когда-нибудь увянут, эти прекрасные глаза западут и покраснеют, эта пышная грудь станет плоской и обвислой, эти чудесные волосы выпадут“. Значит, мне надо будет всего лишь взглянуть на нее теми глазами, какими я смотрел бы на нее в будущем, и уж тогда при виде ее головки я наверняка не потеряю голову.

Во-вторых, я всегда буду воздержан в еде; пусть сколько угодно искушают меня изысканные яства, тонкие вина, приятное общество; стоит лишь мне представить себе последствия излишеств, – тяжесть в голове, стеснение в желудке, потерю рассудка, здоровья и времени, как я стану принимать пищу только в силу необходимости; здоровье мое останется

неизменным, мысли чистыми и ясными. Все это так легко, что в достижении этого нет никакой заслуги.

Затем, – сказал Мемнон, – надо подумать и о моем благосостоянии; желания мои умеренны, мои деньги надежно помещены у главного сборщика податей Ниневии ¹, мне есть на что вести независимое существование, а это уже величайшее благо. Никогда не будет мне грозить жестокая необходимость низкопоклонствовать при дворе, никому не стану я завидовать, и никто не станет завидовать мне. Это тоже весьма просто. У меня есть друзья, – продолжал он, – я их сохраню, потому что им нечего будет у меня оспаривать. Я никогда не стану злиться на них, а они не станут злиться на меня. Это не представляет затруднений».

Завершив таким образом свой скромный план благоразумной жизни, который он сочинял, сидя у себя в комнате, Мемнон высунул голову в окошко. Он увидел двух женщин, которые прогуливались под чинарами возле его дома. Одна была стара и, казалось, ни о чем не думала. Другая была молода, красива и выглядела весьма озабоченной. Она вздыхала, она плакала и от этого становилась еще прелестней. Наш разумник был тронут – не красотой дамы (он был совершенно уверен, что не может поддаться подобной слабости), но той печалью, в коей она, как он заметил, пребывала. Он вышел из дому и приблизился к юной ниневийке, намереваясь утешить ее разумным словом. Сия прекрасная особа с са-

¹ Ниневия – город на Тигре, столица Ассирии.

мым простодушным и трогательным видом поведала ему о том, какие притеснения терпит она от дядюшки, которого у нее не было; посредством каких хитросплетений отнял он у нее состояние, коим она никогда не владела, и чего только не приходится ей терпеть от его тиранства.

– Вы кажетесь мне человеком, способным давать столь разумные советы, – сказала она Мемнону, – что, ежели бы вы снизошли до того, чтобы посетить мой дом и вникнуть в мои дела, вы, я уверена, помогли бы мне выпутаться из тяжелого положения, в коем я пребываю.

Мемнон без колебаний последовал за нею, дабы, призвав на помощь весь свой разум, вникнуть в ее дела и дать ей добрый совет.

Огорченная дама привела его в благоуханные покои и почтительно подвела к широкой софе, на которой они и уселись друг против друга, скрестив под собою ноги. Дама заговорила, опустив глаза; из них то и дело вытекала слезинка, а когда они поднимались, то неизменно встречались с глазами благоразумного Мемнона. Речи их были полны умиления, которое удваивалось, когда они смотрели друг на друга. Мемнон весьма близко принял к сердцу ее дела и с каждой минутой испытывал все большее желание услужить такой порядочной и несчастливой особе. В пылу беседы они уже не сидели друг против друга. Они уже не поджимали под себя скрещенные ноги. Мемнон давал ей советы со столь близкого расстояния и столь нежные, что ни тот, ни другая

уже не могли говорить о делах и уже не понимали, что с ними происходит. Пока они пребывали в таком состоянии, как и следовало ожидать, явился дядюшка; он был вооружен с головы до ног и первым делом, разумеется, заявил, что сейчас же убьет благоразумного Мемнона и свою племянницу, а под конец обмолвился, что мог бы их простить за большие деньги. Мемнону пришлось отдать все, что у него было при себе. В те счастливые времена людям еще удавалось так дешево отделаться. Америка еще не была открыта ², и опечаленные дамы были далеко не столь опасны, как в наши дни.

Мемнон, пристыженный и расстроенный, вернулся к себе домой; там он нашел записку, в коей его приглашали отобедать с несколькими близкими друзьями. «Если я останусь один дома, – рассудил он, – голова моя будет занята моим злосчастным приключением и я вообще не смогу есть; я заболую. Лучше разделить незатейливую трапезу с моими близкими друзьями. В их милом сердцу обществе я позабуду совершенную поутру глупость». Он отправляется на место встречи; его находят невеселым. Его заставляют пить, чтобы рассеять печаль. Несколько глотков вина всегда полезны для тела и души. Так думает благоразумный Мемнон; и он напивается допьяна. После обеда ему предлагают сыграть в кости. Честная игра с друзьями – достойное времяпрепровождение. Он играет; проигрывает все содержимое своего кошелька и еще в четыре раза больше под честное слово. Во

² Намек на сифилис, завезенный спутниками Колумба из Америки.

время игры завязывается спор; страсти разгораются; один из близких друзей запускает в Мемнона стаканчиком для игральных костей и попадает ему в глаз. Благоразумного Мемнона относят домой пьяного, без денег и без одного глаза.

Немного протрезвившись и придя в себя, он посылает слугу за деньгами к главному сборщику податей Ниневии, чтобы расплатиться с близкими друзьями. Ему сообщают, что тот нынче утром сделался злостным банкротом, разорив сотню семейств. Оскорбленный Мемнон с пластырем на глазу и с прошением в руке отправляется ко двору умолять царя о правосудии. В дворцовой гостиной ему встречаются несколько дам, с непринужденностью носящих кринолины, окружностью в двадцать четыре фута. Одна из них, немного знакомая с Мемноном, сказала, искоса взглянув на него: «Ах, какой ужас!» Другая, знавшая его немного ближе, сказала: «Добрый вечер, господин Мемнон; право, я так рада вас видеть, господин Мемнон. Кстати, господин Мемнон, как это вы потеряли один глаз?» И она прошла мимо, не дожидаясь ответа. Мемнон забился в угол и стал караулить удобную минуту, чтобы броситься к ногам монарха. Минута наступила. Он трижды облобызал землю и подал свое прошение. Всемиловитейший государь весьма благосклонно принял грамоту и передал ее одному из своих сатрапов, селя разобраться в этом деле. Сатрап отводит Мемнона в сторону и говорит ему высокомерным тоном с язвительной насмешкой:

– Я нахожу вас весьма забавным кривым, коль скоро вы обращаетесь не ко мне, а к государю, и еще того забавнее, коль скоро вы смеете жаловаться на честного банкрота, ко-его я сам осчастливил своим покровительством и коий является племянником горничной моей любовницы. Оставьте это дело, друг мой, если вы хотите сохранить в целости другой глаз.

Так Мемнон, утром отказавшийся от женщин, от излишеств в еде, от игры и всяких ссор, а главное, от двора, оказался еще до наступления ночи обворован прекрасной дамой, напился, играл, поссорился, дал выбить себе глаз и явился ко двору, где над ним насмеялись.

Отупев от потрясений, с обливающимся кровью сердцем вернулся он домой. Он хочет войти к себе и находит в своем доме судейских чиновников, которые, по требованию кредиторов, вывозят его мебель. Почти бесчувственным опустился он на землю под чинарой; и тут он увидел прекрасную даму, встреченную им поутру, которая прогуливалась с дражайшим своим дядюшкой и расхохоталась, заметив Мемнона с его пластырем. Наступила ночь; Мемнон улегся на соломе под стеною своего дома. У него началась лихорадка; во время приступа он заснул, и во сне ему явился небесный дух.

Дух излучал сияние. У него было шесть прекрасных крыл, но не было ни ног, ни головы, ни хвоста, и он был непохож ни на что на свете.

– Кто ты? – спросил Мемнон.

– Твой добрый гений, – отвечал тот.

– Тогда верни мне мой глаз, мое здоровье, мое добро и мое благоразумие, – сказал Мемнон. После чего он поведал духу, как потерял все это за один день.

– Вот превратности, которых никогда не претерпеваем мы в том мире, в котором обитаем, – сказал дух.

– А в каком мире вы обитаете? – спросил опечаленный человек.

– Моя родина, – ответил дух, – находится в пятистах миллионов лье от солнца, на маленькой звезде близ Сириуса, которую ты можешь узреть отсюда.

– Прекрасная страна! – сказал Мемнон. – Как? У вас там нет потаскух, которые обируют бедного человека, нет близких друзей, которые обыгрывают его в карты и выбивают ему глаз, нет банкротов, нет сатрапов, которые издеваются над ним и отказывают ему в правосудии?

– Нет, – отвечал обитатель звезды, – у нас нет ничего подобного. Нас никогда не обманывают женщины, потому что у нас нет женщин; мы не предаемся излишествам за столом, потому что мы не едим; у нас нет банкротов, потому что нет ни золота, ни серебра; нам нельзя выбить глаз, потому что у нас нет тела, подобного вашему; а сатрапы не совершают у нас несправедливостей, потому что на нашей маленькой звезде все равны.

На это Мемнон заметил ему:

– Сударь, на что же вы употребляете свое время, если у

вас нет ни женщин, ни обедов?

– На то, чтобы оберегать иные планеты, нам доверенные; и я явился сюда, дабы тебя утешить.

– Увы! – сказал Мемнои. – Почему не явились вы вчера вечером и не помешали мне совершить столько безумств?

– Я был у твоего старшего брата Хассана, – отвечал житель небес. – Он достоин большей жалости, нежели ты. Всемиловитейший государь царь Индии, при дворе которого он имел счастье состоять, велел выколоть ему оба глаза за совершенную им маленькую нескромность, и в настоящее время он находится в темнице, скованный цепями по рукам и ногам.

– Стоит ли иметь в семействе доброго гения, – сказал Мемнон, если при этом один брат стал кривым, другой слепым, один спит на соломе, другой в тюрьме?

– Твоя судьба переменится, – возразила звездная тварь. – Правда, ты навсегда останешься кривым, но, не считая этого, будешь очень счастлив, если только никогда больше не станешь строить глупые прожекты, как достигнуть совершеннейшего благоразумия.

– Значит, этого состояния достигнуть невозможно? – со вздохом воскликнул Мемнон.

– Так же невозможно, как невозможно достигнуть совершенства в ловкости, совершенства в силе, совершенства в могуществе, совершенства в счастье. Даже мы далеки от этого. Есть одна планета, где все это существует; но между

ста тысячами миллионов миров, рассеянных в пространстве, все распределяется в строгой последовательности. Во втором мире меньше разума и наслаждений, чем в первом, в третьем меньше, чем во втором. И так далее, вплоть до последнего мира, населенного одними лишь безумцами.

– Боюсь, – сказал Мемнон, – что наш маленький шар как раз и есть тот сумасшедший дом вселенной, о котором вы сделали мне честь упомянуть.

– Не совсем, – отвечивал дух. – Но он к этому приближается; всему свой черед.

– Как же так? – сказал Мемнон. – Ведь в таком случае глубоко ошибаются некоторые поэты ³, некоторые философы ⁴, когда говорят, что *все идет хорошо*.

– Они глубоко правы, – возразил вышний философ, – если иметь в виду устройство всей вселенной в целом.

– Ах, я поверю в это только тогда, когда перестану быть кривым, – сказал бедный Мемнон.

³ Вольтер имеет в виду английского поэта Александра Попа (1688 – 1744), который в своей философской поэме «Опыт о человеке» отстаивал идею разумности и гармоничности всего сущего.

⁴ Вольтер намекает на оптимистические идеи английских философов Энтони Эшли Купера, лорда Шефтсбери (1671 – 1713) и Генри Блингброка (1678 – 1751), а также немецкого философа Готфрида Вильгельма Лейбница (1646 – 1716), у которого в данном случае он заимствовал идею бесконечности миров, организованной в стройную иерархическую систему. С Лейбницем Вольтер наиболее последовательно и остро полемизировал в «Кандиде».